

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

АПОКАЛИПСИС
ОТ КОБЫ

Иосиф Сталин. Гибель богов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Дизайн обложки Владислав Воронин

Радзинский, Эдвард Станиславович.
Р15   Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Гибель Богов / Эдвард Радзинский. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — (Бестселлеры Эдварда Радзинского).

ISBN 978-5-17-155293-0

Итак, дневник верного соратника Иосифа Сталина. Калейдоскоп событий, в которых он был участником. ...Гибель отцов Октябрьской революции, камера, где полубезумный Бухарин сочиняет свои письма Кобе, народные увеселения в дни террора — футбольный матч на Красной площади и, наконец, Мюнхенский сговор, крах Польши, встреча Сталина с Гитлером... И лагерный ад, куда добрый Коба все-таки отправил своего старого друга...

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155293-0

© Э. Радзинский, 2024
© ООО Издательство АСТ, 2024

Эту рукопись я получил в Париже в 1976 году. Я жил тогда в маленьком отеле «Delavigne» в Латинском квартале. Приехал я на премьеру своей пьесы и перед началом дал интервью парижской газете. На следующий день консьерж вручил мне тяжелый конверт... В нем были машинописная рукопись на русском языке и письмо, написанное от руки неровным почерком.

«Соотечественник!

Прочитал ваше интервью в «Монд». Узнал, что вы решили (точнее – решились) написать биографию «первого большевистского царя Иосифа Сталина». Так вы назвали моего дорогого друга Кобу.

Я стар. Я стремительно гасну, дней моих на земле осталось немного. И все записанное мною на протяжении десятилетий – небывалых десятилетий! – попросту исчезнет в чужом городе. Я решил поторопиться – приходится торопиться... Я передаю рукопись вам. Я писал ее тогда и теперь. Тогда, в стране по имени СССР, записывал подробно и, не скрою, витиевато. (Я ведь, как многие в революционные годы, баловался литературой, даже роман писать собирался. Оттого и жилище в Париже выбирал литературное – живу здесь, в Латинском квартале, где меня, старого революционера, окружают такие родные, понятные тени. На мой дом глядят окна квартиры отца Революции Камиля Демулена. И отец гильотины, немец Шмидт, жил неподалеку. В двух шагах отсюда Бомарше сочинял своего Фигаро... Над его наглыми шутками, раздевавшими аристократов, хохотали до упаду сами аристократы. А вскоре такие же

Апокалипсис от Кобы

Фигаро погнали на гильотину всю эту веселившуюся сволочь. Запомните: самые грозные идеи приходят в мир веселой, танцующей походкой. Родной нашей грузинской лезгинкой часто приходят они в мир.)

Я заканчивал писать свои Записки здесь, за границей, и, к сожалению, кратко. Дрожит рука (Паркинсон). Дрожит жалкая рука, которая так ловко убивала.

Я не надеюсь, что эти Записки помогут вам понять «нашего Кобу» — как звали товарища Сталина мы, его старые, верные друзья. Разве можно понять такого человека? Да и человек ли он?

Но смерть Кобы понять помогут. О ней написано много всякого вздора. Коба ненавидел Троцкого, но ценил его мысли. Были у Троцкого слова, рядом с которыми Коба поставил три восклицательных знака: «Мы уйдем, но на прощанье так хлопнем дверью, что мир содрогнется...» Эти слова имеют прямое отношение к жизни Кобы, но еще больше — к его смерти.

В своем интервью вы сообщили, что хотите поговорить с охранниками Кобы, которые были с ним на даче в ту ночь. В ту судьбоносную ночь, когда все случилось! Пустое занятие! Они ничего не знают. Из ныне живущих знаю только я, его безутешный друг Фудзи, не перестающий думать о нем.

И Коба по-прежнему рядом с Фудзи. Такие, как Коба, не уходят. Он лишь на время счоронился в тени Истории. И, поверьте, Хозяин, как справедливо звала страна «нашего

Эдвард Радзинский

Кобу», вернется в свою Империю. Впрочем, все это предсказал он сам, мой незабвенный друг Коба.

Мой заклятый враг Коба.

Он часто приходит ко мне по ночам, как только я засыпаю. И я чувствую его запах — старческий запах пота от поношенного кителя генералиссимуса».

Подписи не было.

Далее шла рукопись.

ПОЛЕЗНЫЕ УРОКИ «ТОВАРИЩЕЙ МЕРЗАВЦЕВ»

В очередное воскресенье Коба позвал меня на Ближнюю дачу.

Там я застал Бухарчика. Нас теперь постоянно сводили вместе.

Коба попросил продолжить рассказ о Германии.

Я постарался выбрать тему побезобидней, хотя это было нелегко. Уж очень мы были похожи...

Знаменитая выставка «дегенеративного искусства» еще не состоялась, но кампания против великих модернистов — Шагала, Отто Дикса, Ван Гога, Мунка, Кандинского, Кокошки, Макса Эрнста и других — шла в немецких газетах полным ходом. Гитлер назвал их живопись «наглой выдумкой еврейских проходимцев и сумасшедших неврастеников». И пообещал проходимцев отправлять в тюрьмы, а неврастеников — в больницы...

Бухарин слушал мой рассказ вполуха, он, как и я, читал немецкие газеты (если я их читал по службе, то ему эту привилегию подарил Коба) и хорошо знал все, что я рассказывал. Он пил чай и поедал конфеты (он был сладкоежка).

— Мижду нами говоря, искусство указанных товарищей дегенератов и вправду непонятно народу, — усмехнулся Коба. — Давай дальше, Фудзи.

Бухарин вздрогнул и начал слушать внимательнее.

Я продолжал:

— «Дух нашей партии, — писал Геббельс, — должен пронизывать все наше искусство. Новое нацистское искусство должно быть героическим, проникнутым стальной романтикой, национальным и патетическим...»

— И это недурно сказано... Чему еще учат товарищи мерзавцы?

Бухарин в ужасе слушал меня — он уже догадывался.

— «Немецкое искусство призвано воспитывать оптимизм. Никакой бедности, никаких известий о поражениях — даже в спорте. Немцы должны только побеждать».

Коба засмеялся:

— На днях привезли мне наш новый фильм «На Дальнем Востоке», где в конце погибал наш разведчик. Неумным товарищам авторам товарищ Сталин объяснил: «Мы страна победителей. Мы победили царя, голод, интервенцию, буржуазию и даже смерть. И наше кино обязано воплощать лозунг: «Пусть погибают наши враги...» Рассказывай дальше Фудзи.

— «Противник, побежденный в сфере политики, может хитро перебросить свои силы в область культуры. Поэтому там их должен встретить не опасный вакуум, но целая армия... такая же армия, как на поле боя...»

— Между нами говоря, и здесь мерзавцы не ошиблись. Нам тоже нужны армии деятелей искусства. Доступного массам, оптимистического искусства... Мы, Николай, поручим это дело тебе... — (Надо было видеть несчастное лицо Бухарина!) — Нам требуются новые объединения работников культуры. Им надлежит беспощадно изгонять непонятные народу выкрутасы, слишком долго бывшие у нас в моде.

Бухарчик понял: ему поручают уничтожить авангард — искусство Революции. Он уже готовился возразить. Но Коба не дал ему раскрыть рта, продолжив:

— Товарищи империалисты мечтают уничтожить нас. И мы создаем неприступную крепость. Бастион! Ты, Николай, самый блестящий наш политик, поможешь создать бастион нового искусства победившего пролетариата. Это будет ар-

мия работников культуры, защищающая от врага наши партийные идеи. Думаю, настало время собрать съезд писателей и провозгласить эту всемирно-историческую задачу!

Как хорошо Коба знал его! «Всемирно-историческая задача»! Это Бухарин понимал. Глаза «самого блестящего политика» загорелись, грудь распрямилась.

— Я сделаю это, Коба! Мы создадим новые союзы — писателей, композиторов, художников... — Он вскочил со стула. Жидкий хохолок петушком встал на голове, он импровизировал: — Альфа и омега будущих союзов — «партийность». Только произведения, служащие партии, имеют право жить. И потому структура новых союзов писателей, композиторов, художников должна быть... копией структуры партии! Те же секретари, пленумы, съезды. Никаких неофициальных группок в искусстве! Они будут изгоняться, как оппозиционеры в партии...

Коба аплодировал!

— Да, Коба, — вдохновенно токовал Бухарин. — Пусть свистят, улюлюкают наши модернисты. Мы им скажем: «Напрасно беснуетесь! Нам нужно реалистическое искусство — искусство для народа. Нам нужны Толстые, Пушкины, Рембрандты, но новые, беззаветно преданные партии и рабочему классу...» Это будет новый невиданный реализм — реализм социалистический!

— Социалистический реализм! — восхищенно повторил Коба и обнял его. — Ты «любимец партии»! Ильич прав! Кстати, товарищ Горький тоже не жалуется местечковых новаторов. Я вот что подумал, Николай. Ты будешь готовить съезд писателей в связке с Алексеем Максимовичем. Два титана! Если, конечно, ты не против...

(Максима Горького по указанию Кобы несколько лет назад уговорили вернуться из эмиграции. Коба окружил нашего пролетарского классика невиданным почетом.)

— Но Алексей Максимович может не согласиться? — с несчастным видом спросил Бухарин, спустившийся снова на проклятую землю.

— Я обещаю!

Когда Бухарин ушел, Коба сказал мне:

— Догадываешься, как голосовал этот двурушник? Но сейчас предатель нужен в хозяйстве. Он и Горький. Думаю, их авторитет защитит наши Союзы от криков европейских леваков.

— Ты действительно уверен, Коба, что Горький согласится?

— Наш великий путаник товарищ Горький?.. — И Коба, прыская в усы, принялся перечислять многочисленные грехи Горького, начиная с его яростных выступлений против Октябрьского переворота. — Мы всё помним, и он это знает. Грехи надо замалывать. Это раз... К тому же у него скоро юбилей. Думаю, мы щедро отметим юбилей великого пролетарского писателя? — Коба засмеялся. — Товарищи предлагают: присвоить имя Горького городу, где он родился, — раз, главной улице в Москве — Тверской, которая идет к Кремлю и Художественному театру, — два... И самому театру тоже дадим его имя...

— Подожди, Коба! — осторожно сказал я. — Художественный театр всегда называли «театром Чехова».

— Товарищ Чехов умер, а товарищ Горький жив. И мы накрепко привяжем товарища Горького к партии... Самыми крепкими и желанными для господ интеллигентов канатами — канатами тщеславия... Товарищ Горький должен возглавить новое, нужное партии искусство. Тем более что Бухарчик, — он помолчал, вздохнул, — *не вечен*. — И внимательно посмотрел на меня: услышал ли я эти слова.

Я услышал.

МОЙ ПЕРВЫЙ БЕЗУМНЫЙ ПОСТУПОК

На юбилее Горького Коба еще раз доказал силу «канатов тщеславия»...

Среди приглашенных числился знаменитый французский радикал — писатель Анри Барбюс. Я очень обрадовался. В это время я много работал в Париже. С точки зрения расширения нашей агентуры во Франции Барбюс, автор знаменитого

антивоенного романа «Огонь», был перспективен. Но Ягода сообщил мне, что никакого Барбюса в Москве не будет. Оказывается, француз написал протроцкистскую статью, и теперь с ним всюду воевали правоверные французские коммунисты и Коминтерн.

Я пожаловался Кобе.

— Идиот твой товарищ Ягода. Кругозор фармацевта, — сказал он. — Барбюс — политический капитал, и мы никому не позволим его транжирить. Ты его получишь. Он к нам приедет. Но присмотришь к нему сам.

Я незримо сопровождал Барбюса. Начиная с того момента, когда на границе, под кумачовым транспарантом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» он пересел в наш поезд. Состав, который подали Барбюсу, был отнюдь не пролетарский. Это был спальный состав царского времени — куда более роскошный, чем новые европейские люкс-поезда, и намного более удобный: вагоны шире, а скорость меньше. На этом царском поезде его повезли в нашу невиданную империю, где правил пролетариат, — в Советскую республику, в новый мир. В вагон Барбюса посадили нескольких наших сотрудников, и как только отъехали от границы, его обработка началась. Француз не понимал язык, и хорошенькая переводчица (естественно, наша сотрудница) переводила и все объясняла ему. Рядом с ним в купе оказались двое трогательно простоватых мужичков. Переводчица рассказала, что это колхозники, возвращающиеся домой после отдыха, и что отдых и роскошный вагон оплатили они сами из заработанных в колхозе трудовней. Барбюс был в восторге...

После приезда в Москву я заполнил все дни писателя. Его беспрерывно куда-то возили — в театры, на выставки, на экскурсии по городу. Он смотрел, слушал и воодушевлялся... И записывал в Дневник все, как надо (каждый вечер я просматривал записи, пока он отсутствовал).

«Москва великолепна, — писал Барбюс в Дневнике, — Красная площадь — нечто поразительно татарское, восточное, византийское, а рядом, словно выходы из другого мира, — сверхсовременные дома Корбюзье. В церквях — древние закомелье

иконы, сверкающие драгоценными окладами, а в какой-то сотне метров от них лежит в своем стеклянном гробу Ленин...»

Ему показали во всей красе столь желанную страну. Когда он бывал в музеях, несколько десятков наших сотрудников становились толпой рабочих, солдат, крестьян, неистово жаждущих насладиться искусством.

Так что он смог написать в Дневнике про «бескорыстное и искреннее стремление новой власти одним махом поднять народ из тьмы невежества до понимания Ренуара и Рембрандта». Он восхищенно говорил переводчице: «До чего же замечательный, одаренный и добрый, этакий большой ребенок ваша Россия! Вас, русских, неверно называют терпеливыми. Вы терпеливы телом и даже душой. Но мышление у вас куда нетерпеливее, чем у любого другого народа, вам подавай сию минуту все искусство, все тайны жизни».

Но особенно пленяли его читательские восторги. Оказывалось, наши простые люди читали его... не переведенные в СССР книги. Видимо, по-французски! Но он был готов уже поверить и этому... когда случилось неприятное.

Это произошло после очередной встречи с читателями. Молодая женщина, пробравшись через толпу «благодарных читателей», так и не поняв, кто эти «читатели», ловко сунула ему в карман записку. Я увидел. Тотчас пробился к нему и так же ловко выкрал ее.

«Верьте не всему, — писала она, — что вам говорят. Точнее, *всему не верьте*. За всеми нами следят, и за вами — не меньше. Ваша переводчица передает каждое ваше слово. Телефон ваш прослушивается, каждый шаг контролируется. Письмо это не просто порвите, потому что кусочки из вашей мусорной корзины достанут и составят их вместе».

Потом случилось... безумное! Уже в гостинице, когда он обедал, я... положил письмо обратно — в его пиджак! Почему? Не знаю. Думаю, пытался доказать себе, что я не раб. Но тогда я объяснил себе так: это проверка! Если наплюёт на письмо — он наш.

На следующий день планировался юбилейный вечер Горького. Утром Барбюс выглядел очень озабоченным. Но мой великий друг Коба сумел победить неприятное письмо.

Большой театр был переполнен. Барбюс скромненько сидел в восьмом ряду. Я наблюдал за ним из ложи в бинокль и ждал сообщения от Кобы. В середине доклада о славном пути великого пролетарского писателя Горького мне принесли записку: «Веди «своего» на сцену».

Я тотчас послал за французом сотрудника. В бинокль видел, как наш человек подошел и как Барбюс изменился в лице. Он, видно, тотчас вспомнил про письмо. Но послушно поднялся с кресла, и сотрудник повел его, ничего не понимающего, дрожащего от страха, прочь из зала...

Теперь я глядел на сцену. Вскоре из боковой кулисы появился черненький, усатый, испуганный человечек. В свете софитов он подслеповато, затравленно оглядывался. И тут Коба, сидевший в президиуме, как-то торжественно встал. Докладчик (видно, предупрежденный, как и я) сразу прервал доклад. Коба, глядя на Барбюса, начал аплодировать. Не разобравшись, в чем дело, президиум поднялся вслед за ним и послушно подхватил аплодисменты Вождя. Следом вскочил такой же покорный зал.

Под гром аплодисментов Коба подошел к Барбюсу, обнял его и, потрясенного, усадил... на свое место! Сам же скромно отсел в задний ряд Президиума...

В перерыве Барбюса доверительно отвели в комнатку за царской ложей, где веселился Коба с соратниками. Здесь был накрыт стол. Барбюс стал свидетелем, как он написал, «веселых, жизнерадостных шуток», «гомерического хохота» и «адского шума», который устроили Коба и его сподвижники — Орджоникидзе, Рыков, Бубнов, Молотов, Ворошилов, Каганович и Пятницкий. «Это была «разрядка» «бурлаков индустриализации», — понимающе напишет француз.

Позже Барбюс создаст вдохновенную книгу «Сталин».

«Кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках этого человека с головой ученого, лицом рабочего, в одежде простого солдата». Цитату эту станут учить в школах, она появится на бесчисленных плакатах.

(К сожалению, с переизданием книжки возникнут трудности. Большинство трудолюбивых «бурлаков», так искренне «гомерически хохотавших», вскоре окажутся у расстрельной стенки.)

...Но вербовать Барбюса Коба, к моему сожалению, запретил. Он сказал:

— Барбюсы нам нужны чистыми. — И добавил: — Сейчас.

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ ИСКУССТВ

Бухарин и Горький создавали Союз писателей в мое отсутствие (я в это время ездил между Парижем и Лондоном).

Обо всем, что происходило в Москве, читал в западной прессе.

Горький — всемирно известный русский писатель, сделал основной доклад на съезде. Он как бы освятил рождение небывалого Союза писателей. Как и обещал Бухарин, Союз этот в точности повторял структуру и устав большевистской партии. Во главе его стояли секретари, устраивались Пленумы, съезды... Всех писателей, объединенных в союз, обязали исповедовать единый художественный метод, названный «социалистическим реализмом». Главная задача писателей — отражать в своих произведениях решения партии.

По такому же партийному образцу вскоре были образованы союзы композиторов и художников. Их объявили «приводными ремнями», с помощью которых партия руководит культурой — армиями писателей, художников, композиторов...

Великую армию искусств создал Коба. Эта армия под руководством партии должна была защищать всё идеологическое пространство Страны Советов.

Детище Революции — русский авангард — мой друг отправил «на свалку истории».

Лондонские газеты, описывая наш съезд писателей, поминали немецкое министерство пропаганды и насмешливо отмечали, насколько похожи оба режима, так ненавидящие и отрицающие друг друга.

ГИМАЛАИ И... ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

Я вернулся в страну после Съезда писателей. И присутствовал на застолье в жилище Горького, где писатели «обмывали» окончание съезда. (Хотя вполне возможно, я путаю и это было накануне съезда — советую проверить... Недавно перечитывал свои Записки, пишу, будто Коминтерн основан в 1918 году! Что делает с памятью старость! И Коллонтай никогда не звали Софьей... Александра... Алюся, как нежно звал ее Шляпников. Проверяйте, проверяйте все мои даты!)

Щедротами Кобы Горький жил в особняке (точнее во дворце), где при царе обитал мультимиллионер Рябушинский. Особняк представлял собой смесь стилей — выдумку обезумевшего от денег богача.

В готическом зале вдоль стен, отделанных панелями из дорогого дерева, расселись полтора десятка ведущих писателей. Ждали высоких гостей. Приехали Коба, Бухарин, Ворошилов и Молотов. Взял Коба с собой и меня.

Он с Горьким и соратниками сидел за столом, писатели разместились вокруг на стульях. Я устроился рядом с писателями (я плохо знал их имена и их книги, так как читал в это время нужные мне по работе сочинения немецких, английских и французских авторов).

Коба начал говорить, и в комнате наступила благоговейная тишина. Писатели внимали. Так сейчас было положено слушать моего друга.

Коба говорил о важности писателей для партии. Он назвал их «инженерами человеческих душ». Мой друг, ученик духовной семинарии, никогда не забывал о душах. Писатели долж-